

УДК 343.37:343.7

В. И. ПОКЛАД,

кандидат философских наук, доцент

*Луганский государственный университет внутренних дел им. Э. А. Дидоренко, г. Луганск,
Украина*

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Цель: определение влияния социального контроля на противодействие экономическим преступлениям.

Методы: на основе методологии функционализма применяется абстрактно-логический метод.

Результаты: путем сопоставления особенностей функционирования экономики как социального института и экономики как правового института доказывается определяющее влияние социальных норм на экономические процессы. В связи с этим эффективность противодействия экономической преступности зависит от соответствия правовых предписаний социальным ожиданиям.

Научная новизна: перенесение акцента в противодействии экономической преступности с уголовно-репрессивных методов на ценностно-нормативное регулирование.

Практическая значимость: в корректировке методологии государственно-правового регулирования экономики с учетом функционирования механизмов социального контроля в экономической сфере.

Ключевые слова: социальный контроль; социальный институт; экономика; экономическая преступность.

Введение

Особенностью развития транзитивных обществ, к которым относятся все постсоветские государства, является повсеместное повышение уровня экономической преступности. Данная ситуация стала предметом широкого научного обсуждения как среди ученых России, Украины и других бывших советских республик [1; 2; 3], так и в дальнем зарубежье [4].

Вместе с тем криминологический анализ экономической преступности осуществляется, главным образом, в рамках юридической парадигмы, поскольку сама криминология и в России, и в Украине относится к юридическим наукам со всеми вытекающими отсюда методологическими и методическими последствиями [5]. И большая часть предложений по минимизации экономической преступности, исходя из этого, сводится к экономико-правовым и уголовно-правовым мероприятиям.

Целью данной статьи является определение специфики влияния социального контроля как неформального института общества на отдельные формы экономического поведения, формально запрещаемые и наказуемые государством.

Результаты исследования

Социальный контроль как «способ саморегуляции социальной системы, обеспечивающий ее

сохранение и нормальное функционирование» [6, с. 111] является универсальным механизмом поддержания порядка в обществе на самых разных уровнях социальности – от диады-микродиады и до этнических, религиозных и прочих массовых общностей. Действие социального контроля построено на поощрении конформного (нормального) поведения и наказании девиантного (отклоняющегося) поведения [7, с. 227]. Тем самым обеспечивается устойчивость, стабильность и предсказуемость социальных отношений.

Социальный контроль представляет собой институализированные способы регулирования социальных взаимодействий в различных сферах человеческой деятельности. В сущности, любой из социальных институтов, прежде всего, является системой организации социального контроля. Семья, религия, политика, экономика и другие базовые институты – это, главным образом, нормы (стандарты поведения большинства) и реакции на их выполнение.

При рассмотрении экономики как института общества необходимо исходить из различения социальных институтов и правовых. Социальный институт – это устойчивый комплекс ценностей, норм и понятий, обеспечивающий совместные действия индивидов в определенных сферах общественной жизни. Или, как пишет английский социолог Э. Гидденс, «устойчивые во времени

способы поведения» [8, с. 673]. Всякий институт – ответ на социальные потребности. Его формирование (институционализация) есть закрепление и общественное одобрение успешных способов удовлетворения потребностей.

Экономика как социальный институт – ответ на потребности получать все необходимое для жизнедеятельности, что осуществляется в процессе производства, распределения, обмена материальных и нематериальных благ. Социальные ожидания населения, связанные с экономикой, можно свести к двум: 1) получение качественных товаров и услуг; 2) получение достойных доходов (прибыль, заработная плата и т.п.). Таким образом, экономика как социальный институт есть устойчивая система способов удовлетворения потребностей населения в товарах, услугах и доходах.

Для получения необходимых товаров, услуг и доходов участники экономических отношений совершают определенные действия (производство, распределение, продажа, покупка и т.д.) и вступают в отношения с другими людьми. Эти действия и отношения могут быть нормальными, конформными (стандартными для большинства) и девиантными (отклоняющимися от общепринятых стандартов поведения).

Как уже отмечалось, функционирование всякого социального института как ценностно-нормативного комплекса, регулирующего определенную сферу деятельности, включает в себя определенные механизмы социального контроля – реакции большинства акторов на индивидуальное поведение. Соответственно, конформное поведение поощряется, девиантное – наказывается. Производитель качественного товара поощряется деньгами покупателя. Производитель некачественной продукции разоряется. Покупатель некачественного («левого») товара наказывается ухудшением здоровья и последующими упреками близких. И так далее.

В отличие от социального института правовой институт – это поддержание государством стандартов должного поведения с помощью системы правовых норм, санкций, организаций и учреждений. При этом правовые нормы следует отличать от социальных норм. Социальные нормы *описывают* поведение (дескрипция), а правовые нормы *предписывают* поведение (прескрипция).

Социальные нормы – это *реальное* поведение большинства в стандартных ситуациях, правовые нормы – *ожидаемое* государством поведение граждан.

Экономика как государственно-правовой институт и экономика как социальный институт никогда не могут быть полностью идентичными. Основные причины их различия следующие:

1) правовой институт, в отличие от естественной самоорганизации общества, всегда является искусственно созданным;

2) если социальный институт формируется поведением большинства, то правовой институт создается меньшинством (более или менее легитимным);

3) социальный институт поддерживается исключительно воздействием общественного мнения, добровольной конформностью большинства, а правовой институт – силой государственного принуждения, репрессии.

Некоторые девиации, признаваемые государством «общественно опасными», криминализируются и влекут за собой уголовное наказание. При этом «преступление» как правовая категория в силу указанных выше причин может отличаться от массовых представлений о социальной девиации. В частности, «уплата налогов рассматривается не только деловыми людьми, но и всем населением как двойное налогообложение, так как все покупают государственные услуги в частном порядке в том конкретном объеме, который требуется тому или иному предпринимателю или частному лицу. В обществе сформировалась такая атмосфера, когда уклонение от уплаты налогов стало нормой, следование которой морально не осуждается» [9, с. 16]. Как пишет украинский социолог И. Рущенко, «средний и малый бизнес у нас напоминает айсберг, где меньшая, надводная часть – декларируемая прибыль, легальная заработная плата, заявленные виды деятельности, официальное количество работающих, а гораздо большая по объему подводная – все остальное, что и является фактическим стимулом для предпринимателя» [10, с. 204]. Весьма распространена практика устных договоренностей между предпринимателями и наемными работниками при найме и использовании рабочей силы (работа без оформления, совмещение статуса безработного с неоформленной работой, выполнение аккордных

работ и т. п.). Общественному осуждению в таких случаях подвергается не нарушение трудового законодательства, а нарушение устных договоренностей [11, с. 43–44]. По мнению психологов, «в социуме формируются жизненные стратегии, в которых целеустремленный труд и вообще всякое усилие являются отрицательными ценностями, ассоциируясь с принуждением, неуспехом, позором» [12, с. 53].

Такая ситуация обусловлена одной из основных дисфункций института экономики – несоответствием потребности в доходах их реальным размерам. В Украине, в процессе реформ 90-х гг. прошлого века заработная плата основной массы работников упала до уровня, который не обеспечивал даже простого воспроизводства населения [13, с. 220]. По данным социологических исследований, количество жителей Украины, семьи которых в 2009–2010 гг. столкнулись с невыплатой или неполной выплатой заработной платы, пенсий, составила от одной четверти до одной трети [14, с. 167].

Поскольку институт легальной экономики не соответствует потребностям большинства участников экономических отношений (как работодателей, так и работников), в качестве компенсаторного механизма формируется и развивается неформальная (нелегальная, теневая экономика), «система конкурирующих с законом фактических норм» [6, с. 150].

В России в настоящее время объемы теневой деятельности согласно различным источникам оцениваются в пределах от 25 % до 60 % ВВП [15, с. 3]. В соответствии с расчетами австрийского экономиста Ф. Шнайдера, уровень теневой экономики в Украине составляет 52,8 % от официального ВВП [16, с. 13]. А поскольку поведение большинства (52,8–60 %) формирует социальные нормы, нормальной, с социологической точки зрения, и в российском, и в украинском обществе скорее может считаться теневая экономика, нежели легальная. И «из ряда обособленных экономических операций теневая экономика становится структурированной и комплексной социально-экономической системой, имеющей свои собственные законы развития» [15, с. 3]. Более того, российские экономисты отмечают «опережающий рост теневого сектора услуг по сравнению с промышленностью и сельским хозяйством» [15, с. 6].

Теневая экономика таких масштабов «не может не вовлекать в свою орбиту политику. Происходит сращивание теневой экономики и теневой политики, образуя теневую реальность, теневую действительность, невольными участниками (и жертвами) которой оказываются все граждане страны» [17]. Следствием такого сращивания является моделирование экономического законодательства не на основе потребностей большинства членов общества, а исходя из предпочтений меньшинства, представителей весьма криминализованной постсоветской элиты [10, с. 206], что значительно усиливает общие криминогенные факторы «беловоротничковой преступности», давно отмечаемые в мировой криминологии. В частности, «принимая законы, касающиеся наказаний за кражу со взломом или грабеж, никто не консультируется с будущими взломщиками и грабителями. Совсем иное дело – более привилегированные преступники. Они и их представители играют активную роль в разработке законов и полномочий контрольных органов, ограничивающих их деятельность» [18, с. 353]. Не будет преувеличением, что в России и Украине они играют более чем активную роль.

Таким образом, многие виды экономических правонарушений, как запрещенные и наказуемые выходы за пределы правового институционального порядка, стали социально нормальными вследствие несоответствия легального института реальным социальным потребностям, что стимулирует поиски неформальных (нелегальных) способов их удовлетворения. И «главный приз» в этой конкуренции неформальных поисковых стратегий получают привилегированные участники экономических отношений – предприниматели, работодатели, коррумпированные чиновники. Коррупция в этой системе выполняет функцию механизма согласования неформальных практик с легальными правилами в части нейтрализации негативных санкций государственно-правового контроля.

Противодействие экономической преступности усложняется тем, что в обществе одновременно действуют, находясь в сложном переплетении, социальный контроль и государственно-правовой контроль. Поведение экономических акторов обусловлено воздействием обеих систем контроля. Приоритетным все же является влияние соци-

ального контроля. Как отмечал М. Вебер, «при нарушении условности (например, «профессиональной этики») социальный бойкот со стороны людей одной профессии часто оказывается значительно более действенной и ощутимой карой, чем наказание, назначенное судебным приговором» [19, с. 640]. Общественное мнение влияет и на деятельность агентов правового контроля (правоохранительные органы), на что обращал внимание еще основоположник теории «беловоротничковой преступности» Э. Сатерленд: «... методы, применяемые для обеспечения исполнения закона, зависят от отношения законодателей, а также судебного и исполнительного персонала к личности возможных нарушителей закона. Отношение к бизнесменам ... – это *смесь страха и восхищения*. Важным обстоятельством является *культурная однородность* законодателей, судей, а также лиц, исполняющих закон, с одной стороны, и бизнесменов – с другой» [20, с. 55].

Кроме того, «направленность преступления против конкретного лица вызывает большее неприятие общества, чем изъятие денег у «абстрактного» государства, тем более с учетом социокультурной традиции противопоставления народа и власти» [21, с. 23].

При высоком уровне социальной латентности экономических правонарушений ужесточение санкций без расширения практики их применения неспособно изменить положение: взяточник, недобросовестный предприниматель и продавец скорее «поощряются» получаемыми доходами, нежели испытывают достаточно серьезные меры негативного противодействия. Если наказание (негативная санкция) для большинства экономических правонарушителей остается в значительной степени потенциальным, абстрактным, то нелегальный доход (позитивная санкция социального контроля) – весьма реален. Вследствие чего «доминирующее влияние существующих в группе стандартов успеха приводит к постепенному вытеснению законных, однако сплошь да рядом неэффективных попыток его достижения ко все большему использованию незаконных, но более или менее эффективных средств аморального и преступного характера» [22, с. 309]. Более того, в России, как и в большинстве постсоветских обществ, «официальное право в значительной мере превратилось в декоративное. Оно зачастую

используется лишь для того, чтобы наказать тех, кто нарушает теневые нормы или мешает влиятельным группировкам добиваться своих «теневых» экономических, политических или иных целей» [9, с. 16].

Выводы

Эффективное противодействие экономической преступности, исходя из обозначенных ее институциональных факторов, возможно, в первую очередь, через приведение в соответствие правовых предписаний социальным ожиданиям. Центральным моментом здесь является обеспечение справедливости, как высшей правовой ценности. Применительно к экономическим отношениям задача заключается в установлении баланса (гармонии) между эспектациями социальных акторов экономики (продавец – покупатель, наемный работник – работодатель).

Во-вторых, минимизации нелегальных экономических практик может способствовать легализация отдельных видов деятельности, не имеющих отношения к явному криминалу типа наркобизнеса, торговли оружием и т.п. Как пишет Н. Бараева, «то, что криминологи называют латентной преступностью, может рассматриваться экономистами и социологами как социальные практики, доказавшие свою жизнеспособность, обеспечившие выживание и экспансию для индивидов и целых групп» [23, с. 143].

При этом следует весьма осторожно подходить к ужесточению официальных наказаний. По мнению профессора философии права в университете Ерлангена-Нюрнберга Райнхольда Циппелиуса, «государственный правопорядок зиждется не только на власти и принуждении, а в значительной мере и на иначе мотивированном послушании. *Осуществление норм исключительно с помощью санкций присуще, пожалуй, лишь концлагерям*» [24, с. 264].

Правовые санкции должны выполнять мотивирующую функцию, чтобы правомерная экономическая деятельность оказывалась выгодной и вытесняла неформальные (нелегальные) социальные нормы. В качестве примера можно вспомнить антитрестовский закон Шермана (США), в соответствии с которым «потерпевшие в результате нарушения закона стороны управомочены предъявлять иски о возмещении ущерба,

причем в обязательном порядке предусмотрено возмещение ущерба, в три раза превышающее причиненный вред» [20, с. 47]. Таким образом, если для предпринимателя поощрением является прибыль, а наказанием – убытки, данная правовая мера может способствовать утверждению иных социальных норм и преодолению дисфункций легального института экономики.

Список литературы

1. Аслаханов А. А. Преступность в сфере экономики (Криминологические и уголовно-правовые проблемы). – М.: Моск. юрид. ин-т, 1997. – 128 с.
2. Егоршин В. М., Колесников В. В. Преступность в сфере экономической деятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 273 с.
3. Кальман А. Г. Экономическая преступность как криминологическое понятие // Государство и право. – 2003. – № 3. – С. 101–104.
4. Шели Л. Преступность как определяющая проблема: взгляд западного криминолога. – URL: <http://law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID=100088076>
5. Поклад В. И. К вопросу о предметном статусе криминологии в Украине // Актуальные проблемы криминологии и криминальной психологии: сб. науч. статей / под ред. М. Ф. Орзиха, В. Н. Дремина. – Одесса: Феникс, 2007. – С. 264–267.
6. Лапаева В. В. Социология права: Краткий учебный курс / под ред. В. С. Нерсесянца. – М.: НОРМА, 2000. – 304 с.
7. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
8. Гидденс Э. Социология: пер. с англ. / науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
9. Косалс Л. Я., Рывкина Р. В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // Социс. – 2002. – № 4. – С. 13–20.
10. Рущенко И. П. «Криминальная революция» как социальный фактор // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. – № 3. – С. 194–210.
11. Попова И. Моральне виправдання і нормативна складова тіньових практик (спроба порушити проблему) // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2004. – № 1. – С. 30–50.
12. Ениколопов С. Н., Умняшкина Д. А. Психологические проблемы влечения к азартным играм // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2008. – № 2 (15). – С. 43–62.
13. Чепурко Г., Привалов Ю. Гідна праця: реалії та перспективи // Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг / за ред. д. ек. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2010. – С. 217–229.
14. Петрушина Т. Сприйняття економічних інститутів громадянами України за умов глобальної кризи // Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг / за ред. д. ек. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2010. – С. 165–175.
15. Коняева А. Л. Развитие стратегий государственного воздействия на теневую экономику (институциональный подход): автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М.: 2008. – 26 с.
16. Тіньова економіка в Україні: масштаби та напрямки подолання. – К.: НІСД, 2011. – 31 с.
17. Гилинский Я. И. Криминальное лицо свободной экономики // Crimpravo.ru. – URL: <http://crimpravo.ru/blog/1685.html>
18. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели: пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003. – 864 с.
19. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. – М., 1990. – С. 602–643.
20. Сатерленд Э. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? // Социология преступности. – М.: Прогресс, 1966. – С. 45–59.
21. Клинтух И. И. Делинквентное поведение: социокультурная обусловленность: автореф. дис. канд. социол. наук. – Ростов н/Д, 2009. – 32 с.
22. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313.
23. Бараева Н. Б. Латентность как социальная и криминологическая проблема // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2009. – № 1 (16). – С. 142–145.
24. Ципелиус Р. Общество и право. Основные понятия социологии права и государства // Право XX века: Идеи и ценности: сб. обзоров и рефератов / отв. ред. Ю. С. Пивоваров*. – М., 2001. – С. 252–266.

* Признан иноагентом в РФ с 23.05.2025 / Recognized as a foreign agent in the Russian Federation as of 23.05.2025.

В редакцию материал поступил 26.08.13

© Поклад В. И., 2013

Информация об авторе

Поклад Василий Иванович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой криминологии и социологии, Луганский государственный университет внутренних дел им. Э. А. Дидоренко
Адрес: 91493, Украина, г. Луганск, пос. Юбилейный, ул. Генерала Дидоренко, 4
E-mail: vpoklad@mail.ru

Как цитировать статью: Поклад В. И. Социальный контроль и экономическая преступность // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 252–258.

V. I. POKLAD,

PhD (Philosophy), associate professor

Lugansk State University for Domestic Affairs named after E.A. Didorenko, Lugansk, Ukraine

SOCIAL CONTROL AND ECONOMIC CRIME

Objective: to identify the influence of social control on counteracting the economic crimes.

Methods: on basis of methodology of functionalism the abstract-logical method was used.

Results: the determining influence of social standards on economic processes is proved by means of comparison of characteristics in operation of the economy as a social institution and the economy in the capacity of legal institution. By this reason the efficiency of counteracting the economic crimes depends on the conformity of prescriptions of law with social expectations.

Scientific novelty: displacement of emphasis in counteracting the economic crimes from criminal – repressive techniques to value – standard regulations.

Practical value: consists in correcting of methodology of state and legal management of the economy with due regard for functioning of the mechanisms of social control in the sphere of economy.

Key words: social control; social institution; economy; economic crime.

References

1. Aslakhonov, A. A. *Prestupnost' v sfere ekonomiki (Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye problemy)* (Crime in the economy sphere (Criminological and criminal and legal problems). Moscow: Mosk. jurid. in-t, 1997, 128 p.
2. Egorshin, V. M., Kolesnikov V. V. *Prestupnost' v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti* (Crime in the sphere of economic activity). Saint Petersburg: Fond "Universitet", 2000, 273 p.
3. Kal'man, A. G. *Ekonomicheskaya prestupnost' kak kriminologicheskoe ponyatie* (Economic crime as criminological concept), *Gosudarstvo i pravo*, 2003, No. 3, pp. 101–104.
4. Sheli, L. *Prestupnost' kak opredelyayushchaya problema: vzglyad zapadnogo kriminologa* (Crime as a defining problem: look of the western criminologist), available at: <http://law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID=100088076>
5. Poklad, V. I. K voprosu o predmetnom statuse kriminologii v Ukraine (To the question of the subject status of criminology), *Aktual'nye problemy kriminologii i kriminal'noi psikhologii*. Odessa: Feniks, 2007, pp. 264–267.
6. Lapaeva, V. V. *Sotsiologiya prava: kratkii uchebnyi kurs* (The sociology is right: short training course). Moscow: NORMA, 2000, 304 p.
7. Smelzer, N. *Sotsiologiya* (Sociology). Moscow: Feniks, 1994, 688 p.
8. Giddens, E. *Sotsiologiya* (Sociology). Moscow: Editorial URSS, 1999, 703 p.
9. Kosals, L. Ya., Ryykina, R. V. *Stanovlenie institutov tenevoi ekonomiki v postsovetsoi Rossii* (Formation of institutes of shadow economy in Post-Soviet Russia), *Sotsis*, 2002, No. 4, pp. 13–20.
10. Rushchenko, I. P. "Kriminal'naya revolyutsiya" kak sotsietal'nyi faktor ("Criminal revolution" as sotsiyetalny factor), *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, 2008, No. 3, pp. 194–210.
11. Popova, I. Moral'ne vipravdannya i normativna skladova tin'ovikh praktik (sproba porushiti problem), *Sotsiologiya: teoriya, metodi, marketing*, 2004, No. 1, pp. 30–50.
12. Enikolopov, S. N., Umnyashkina D. A. Psikhologicheskie problemy vlecheniya k azartnym igram (Psychological problems of an inclination to gamblings), *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba*, 2008, No. 2(15), pp. 43–62.
13. Chepurko, G., Privalov, Yu. Gidna pratsya: realii ta perspektivi, *Ukrains'ke suspil'stvo 1992–2010. Sotsiologichniy monitoring*. Kiev: Institut sotsiologii NAN Ukraïni, 2010, pp. 217–229.
14. Petrushina, T. Spriinyattya ekonomichnikh institutiv gromadyanami Ukraïni za umov global'noi krizi, *Ukrains'ke suspil'stvo 1992–2010. Sotsiologichniy monitoring*. Kiev: Institut sotsiologii NAN Ukraïni, 2010, pp. 165–175.
15. Konyaeva, A. L. *Razvitie strategii gosudarstvennogo vozdeistviya na tenevuyu ekonomiku (institutsional'nyi podkhod)* (Development of strategy of the state impact on shadow economy (institutional approach)). Moscow, 2008, 26 p.
16. *Tin'ova ekonomika v Ukraïni: masshtabi ta napryamki podolannya*. Kiev: NISD, 2011, 31 p.
17. Gilinskii, Ya. I. *Kriminal'noe litso svobodnoi ekonomiki* (Criminal person of free economy), available at: <http://crimpravo.ru/blog/1685.html>
18. *Kriminologiya, pod red. Dzh. F. Sheli* (Criminology, under the editorship of J. F. Shelley). Saint Petersburg: Piter, 2003, 864 p.
19. Veber, M. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya (Basic sociological concepts), *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, 1990, pp. 602–643.
20. Saterlend, E. Yavlyayutsya li prestupleniya lyudei v belykh vorotnichkakh prestupleniyami? (Whether are crimes of people in white collars crimes?), *Sotsiologiya prestupnosti*. Moscow: Progress, 1966, pp. 45–59.
21. Klintukh, I. I. *Delinkventnoe povedenie: sotsiokul'turnaya obuslovlennost'* (Delinkventny behavior: sociocultural conditionality). Rostov on Don, 2009, 32 p.
22. Merton, R. Sotsial'naya struktura i anomiya, *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii)* (Social structure and anomaly). Moscow: Progress, 1966, pp. 299–313.
23. Baraeva, N. B. Latentnost' kak sotsial'naya i kriminologicheskaya problema (Latency as social and criminological problem), *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba*, 2009, No. 1(16), pp. 142–145.
24. Tsippelius, R. Obshchestvo i pravo. Osnovnye ponyatiya sotsiologii prava i gosudarstva (Society and right. Basic concepts of sociology of the right and state), *Pravo XX veka: Idei i tsemnosti: sb. obzorov i referatov*. Moscow, 2001, pp. 252–266.

Information about the author

Poklad Vasily Ivanovich, PhD (Philosophy), associate professor, head of the chair of criminology and sociology, Lugansk State University for Domestic Affairs named after E.A. Didorenko

Address: 4 General Didorenko Str., 91493, Lugansk, Yubileinyi settlement, Ukraine, tel.: +38-0642-536-630

E-mail: vpoklad@mail.ru

How to cite the article: Poklad V. I. Social control and economic crime, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 252–258.

© Poklad V. I., 2013

ПОЗНАНИЕ

Якупов З.С. Налогообложение участников внешнеэкономической деятельности: учеб. пособие / З.С. Якупов. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. – 208 с.

В учебном пособии рассматриваются теоретические основы и практические аспекты налогообложения российских организаций, получающих доходы от деятельности на территории иностранных государств, иностранных организаций и физических лиц, получающих доходы от источников в Российской Федерации. Изложены особенности исчисления налога на прибыль и налога на добавленную стоимость (НДС) указанными организациями при различных формах их деятельности. Уделено внимание урегулированию международного двойного налогообложения. Рассматриваются механизмы таможенно-тарифного регулирования внешнеэкономической деятельности, порядок расчета таможенных пошлин, сборов, НДС и акцизов по внешнеторговым операциям, в том числе в условиях создания Таможенного союза России, Белоруссии, Казахстана и Киргизии, а также присоединения России к ВТО.

Предназначено для студентов, магистрантов, аспирантов экономических вузов и всех читателей, интересующихся проблемами исчисления доходов бюджета и формирования налоговой политики.